

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 108–115. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 108–115. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 821.161.1.09"19"

EDN JWFYEM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-108-115>

«ОСТРОВСКИЙ ОСТАЁТСЯ ОДНОЙ ИЗ САМЫХ ВОСТРЕБОВАННЫХ ФИГУР РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»: СИГНАЛЫ РАЗГОВОРНОСТИ В ПЬЕСАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Цинь Лидун, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, qinlidong@mail.ru

Аннотация. В статье на примере пьесы А.Н. Островского середины девятнадцатого века «Старый друг лучше новых двух» исследуются черты художественной манеры драматурга в области проявления ярких сигналов разговорности на фоне традиционно-книжной основы речи героев. Диалоги представителей мещанского сословия Москвы портнихи Олиньки и её матери, речь купца Густомесова, изобилующая выразительными образцами народно-разговорной лексики и фразеологии, обогащают традиционный состав лексико-грамматических средств русского литературного языка. Приводятся достаточно протяжённые тексты речи героев с графическим выделением в них лексических, лексико-грамматических и устойчивых разговорных и книжных средств разной этиологии, просторечной, диалектной, нейтрально-книжной и искажённо книжной, близкой к просторечию, с последующим их толкованием. Делается вывод о том, что разговорные элементы языка героев данной пьесы драматурга, умело поданные автором в виде сигналов, до сих пор остаются доступными для понимания современной публики и своей свежестью и яркой образностью способны приносить читателю эстетическое наслаждение.

Ключевые слова: московская мещанско-купеческая речь, народно-разговорная лексика, книжность, диалог, литературный язык, условные союзы.

Для цитирования: Ганцовская Н.С., Цинь Лидун. «Островский остаётся одной из самых востребованных фигур русской классической литературы»: сигналы разговорности в пьесах А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 108–115. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-108-115>

Research Article

“OSTROVSKY REMAINS ONE OF THE MOST DEMANDED FIGURES IN RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE”: CONVERSATIONAL SIGNALS IN THE PLAYS BY ALEXANDER OSTROVSKY

Nina S. Gantsovskaya, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Qin Lidong, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, qinlidong@mail.ru

Abstract. The article examines the features of the playwright's artistic manner in the area of displaying vivid colloquial signals against the background of the traditional bookish basis of the characters' speech using the mid-19th-century play “An Old Friend Is Better than Two New Ones” as an example. The dialogues between the representatives of the Moscow bourgeoisie, the dressmaker Olin'ka and her mother, and the speech of the merchant Gustomesov, replete with expressive examples of colloquial vocabulary and phraseology, enrich the traditional composition of the lexical and grammatical means of the Russian literary language. The article provides fairly lengthy texts of the characters' speech with graphic highlighting of lexical, lexical and grammatical, and stable colloquial and bookish means of different etiology, colloquial, dialectal, neutral-bookish, and distorted-bookish, close to colloquial speech, with their subsequent interpretation. It is concluded that the colloquial elements of the language of the characters in this play by the playwright, skillfully presented by the author in the form of signals, still remain accessible to the understanding of the modern public and, with their freshness and vivid imagery, are capable of bringing aesthetic pleasure to the reader.

Keywords: Moscow petty bourgeois and merchant speech, folkish colloquial vocabulary, bookishness, dialogue, literary language, conditional conjunctions.

For citation: Gantsovskaya N.S., Qin Lidong. "Ostrovsky remains one of the most demanded figures in Russian classical literature": conversational signals in the plays by Alexander Ostrovsky. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 108–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-108-115>

«Островский остаётся одной из самых востребованных фигур русской классической литературы» [Кайдаш-Лакшина 2013: 4]. Эти слова из аннотации к книге «Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. Статьи» принадлежат Светлане Николаевне Кайдаш-Лакшиной, известному исследователю его жизни и творчества, и, бесспорно, они относятся к каждой из его многочисленных пьес. Подобной высокой оценке в первую очередь драматург обязан качеству их языка, пока непревзойдённо-го никем в области художественной выразительности и жизненной точности характеристик персонажей, высокой степени демократизма их языка, достигнутого за счёт органического сочетания средств народно-разговорной речи с традиционной книжностью.

В немалой степени сказанное выше относится и к такой его, казалось бы, не слишком заметной пьесе «Старый друг лучше новых двух», не получившей того громкого социального резонанса, что знаменитая «Гроза», её «ровесница» по времени создания, номинированная Уваровской премией в 1960 г. Пьесу «Старый друг лучше новых двух» не изучают в школе, почти не ставят в театрах¹, и о ней многие даже и не слышали. Однако она обладает высокой степенью художественности, и с момента выхода в свет имела немало положительных откликов; главным образом критики отмечали мастерски написанные диалоги, особенно женщин, и неповторимую индивидуальность изображения героев.

Об истории создания пьесы, откликах на её появление, сценической судьбе написано к настоящему времени достаточно. Вот некоторые примеры из относительно недавней литературы. В частотности, в своей лаконической и ясной манере изложения, доступной широкой публике, рассказывает об этом Светлана Николаевна Кайдаш-Лакшина в «Летописи жизни и творчества А.Н. Островского. Статьи»: **«1859. 19 июля.** Начата «Гроза» (авторская помета на листе 1 черновой рукописи) **31 июля.** В «Московском вестнике» напечатан отрывок из пьесы Островского «Старый друг лучше новых двух». **1860. 10 сентября.** Театрально-литературный комитет одобрил пьесу Островского «Старый друг лучше новых двух». **4 или 5 октября.** Островский читал актёрам-любителям Красноворотского театра пьесу «Старый друг лучше новых двух». **10 октября.** Пьеса «Старый друг лучше новых двух» впервые поставлена в Петербурге в Мариинском театре в пользу вдовы и детей Мартынова. **14 октября.** Пьеса «Старый друг лучше новых

двух» впервые прошла в московском Малом театре. **15 октября.** В спектакле Красноворотского театра поставлено 2-е действие пьесы «Старый друг лучше новых двух», и Островский исполнил роль купца Густомесова» [Кайдаш-Лакшина: 41–42].

В краткой словарной статье Энциклопедии, посвящённой А.Н. Островскому, её автор Ю.В. Высоцкая со ссылкой на Е.Г. Холодова даёт критический разбор данного произведения, упоминая в основном негативные отклики современников на эту пьесу, и уподобляет её построению и речевые особенности комедиям dell'arte. Она пишет о том, что «Старый друг лучше новых двух», пьеса, которая представляет собой «картины из московской жизни, в 3-х действиях, работа над которой закончена 17 апр. 1860 г. О. показывает здесь особенности психологии и поведения людей, сосредоточенных на сугубо личных интересах. 20-летняя портниха Олинька встречается с молодым титулярным советником Прохором Гаврилычем Васютиным в надежде выйти за него замуж, видя в этом замужестве возможность поправить своё материальное положение» [Высоцкая: 421]. В таком же духе построено и дальнейшее краткое изложение содержания пьесы. В статье есть ценное для нашего очерка упоминание о том, что «Сам О. дважды исполнял роль купца Густомесова в любительских спектаклях» [Высоцкая: 422].

Об этой пьесе более детально, с привлечением различных документальных данных (также и по поводу её языка) можно прочитать в содержательных комментариях Е.Н. Беляковой к этой пьесе во 2-м томе нового 18-томного издания Полного собрания сочинений и писем А.Н. Островского [Белякова 2020: 738–766]. Кстати, в дальнейшем все цитаты из речи героев в нашей статье даются по этому изданию. С критическим обзором откликов в середине XIX в. на «Старого друга ...» и ещё нескольких статей, близких к названной пьесе по тематике и времени создания, Е.Н. Белякова обратилась ещё раз в недавней статье «"Что за люди, что за язык!..." Русская критика второй половины XIX в. о границах «этического» и «приличного» в текстах А.Н. Островского» в Специальном юбилейном выпуске «Вестника» Костромского государственного университета в 2023 г. К сожалению, тут, вопреки её намерению, почти ничего не говорится о языке персонажей пьесы [Белякова: 97–108].

Диалоги представителей мещанско-купеческой Москвы в «Старом друге...» по-шекспировски многогранно обрисовывают характеры персонажей пьесы,

собственно мещан, купцов, мелких чиновников и др. лиц незлитного происхождения, мужчин и женщин разных возрастов и образа жизни, индивидуальных характеров, сверкают свежими красками образных народно-разговорных слов и выражений (характеристику мещанского и купеческого сословий Москвы времён А.Н. Островского см. в Словаре к пьесам А.Н. Островского Ашукина Н.С., Ожегова С.И., Филиппова В.А. [Ашукин, Ожегов, Филиппов: 97–98, 115]). По мнению ряда исследователей, драматургу особенно удалось с точки зрения лингвистических характеристик образы женщин, но и речь мужских персонажей писатель в полной мере сумел сделать живыми и запоминающимися, снабдив меткими сигналами разговорности. Приметы, или сигналы разговорности, как противостояние понятию книжности, терминологически стали употребляться в русском языкознании в работах по языку художественной литературы вслед за стилистическими штудиями В.В. Виноградова, но, как кажется, наиболее удачное применение, вследствие глубокой и ясной теоретической разработки и практическому подтверждению, они нашли в исследовании В.Д. Левина «Литературный язык и художественное повествование» [Левин]. Исследовательские находки В.Д. Левина были впервые апробированы нами (т. е. Н.С. Ганцовской, одним из авторов настоящей статьи. – Н.Г.) при анализе усложнённых синтаксических конструкций пьес А.Н. Островского в стилистическом аспекте книжное/разговорное с выявлением сильной и слабой позиции разговорности [Ганцовская: 1974]. Н.П. Киселёва в упомянутом выше сборнике научных трудов ярославских и костромских авторов работ также воспользовалась подобными стилистическими разработками В.Д. Левина [Киселёва].

Обратим внимание на эти, повсеместно рассыпанные в пьесе «сигналы разговорности», характерные преимущественно для области лексики (сильная позиция), но проявляющиеся и в синтаксисе (слабая позиция). Это именно сигналы, а не чрезмерное (натуралистическое) копирование устной спонтанной речи. Мы рассмотрим их на фоне устоявшихся элементов книжной речи в двух планах: собственно словарном (т. е. в области знаменательной лексики) и словарно-грамматическом (в области служебных слов – условных союзов). Ранее на многочисленных примерах из других пьес А.Н. Островского мы доказали, что последние (условные союзы) способны быть точными маркерами (показателями) степени разговорности речи персонажей пьес, а также показателями степени архаичности или продвинутости в сторону новых форм функционирования русского литературного языка².

Сделаем выборку народно-разговорной лексики из речи главной героини пьесы портнихи Олиньки

в острых дебатах её с матерью Татьяной Никоновной, а для показа особенностей разговорно-словарного мастерства мужских персонажей обратимся к колоритной речи купца Вавилы Осипыча Густомесова, роль которого когда-то исполнял сам Александр Николаевич (кстати, недалеко от Костромы есть известное поволжское село Густомесово. Не имя ли этого ойкони-ма навяло появление в пьесе фамилии Густомесов?).

Условные же союзы, как обычно, мы анализируем в речи всех персонажей.

Перечисляем эти союзы с указанием в скобках их употребительности в пьесе, сначала общей, затем, по мере надобности, характерной для отдельных персонажей. В целом частотность союзов в пьесе [(коли (23), если (8), ежели (8), когда (6), кабы (3))] показывает, что речь её героев отличается высокой степенью разговорности. Мерилом этого факта является конкуренция лидера народно-разговорного стиля того времени союза *коли* (23 употребления) и дополнительно не книжных союзов *ежели*, *когда*, *кабы* с нейтральным и книжным *если* (8)³. Суммарно, если сопоставить число всех употреблений книжного и нейтрального стилистически союза *если* (8) с частотностью всех союзов разговорного типа (23+8+6+3), победа «разговорности» над «книжностью» в пьесе оказывается ещё более внушительной: 40 против 8.

Наибольшее количество употреблений союза *коли* – 7 единиц – наблюдается в речи портнихи Олиньки, малообразованной, но неглупой и расчётливой девушки 20-ти лет, проживающей у матери, Татьяны Никоновны, «мещанки, хозяйки небольшого деревянного дома». В самом начале пьесы зритель впервые видит Олиньку, которая «сидит у стола и поёт вполголоса»:

«Я тиха, скромна, уединенна,
Целый день сижу одна.
И сижу обнаковенно
Близ камина у огня».

В содержании этой нехитрой песенки и её лексическом наполнении как бы заложена программа её дальнейшего поведения, житейского и речевого: простоты, непосредственности и вместе с тем хитроумного расчёта в жизни, что видно из сочетания элементов разговорно-просторечного стиля (обнаковенно) с книжной лексикой «образованных» (краткими прилагательными-определениями *тиха*, *скромна*, *уединенна*; *у камина*). Олинька (само произношение с заударным *и* на южнорусский, акающий «манер» этого имени говорит о московском происхождении персонажа) олицетворяет тип простенькой мещанской девушки из московского пригорода с претензией на «образованность», как бы слабый вариант Липочки из «Своих людей – сочтёмся». В явлении втором (конечно, и далее, но пока остановим наше

внимание именно на этом отрывке) эту характеристику полностью подтверждают её реплики в диалоге с матерью, где Татьяна Никоновна в отношении употребления форм разговорной речи ей не только не уступает, а задаёт агрессивно-эмоциональную тональность общения (графически народно-разговорную, или просторечную, лексику, а иногда и целые обороты в репликах выделяем курсивом, книжную – подчёркиванием). Приведём выдержки из их диалога:

«Татьяна Никоновна. *А ты бы вот меньше тарантила! А то не даёшь матери рта разинуть, на каждое слово десять резонтов найдёшь...*

Олинька. А коли вы проницательны, так, значит, вы знаете моих обожателей.

Татьяна Никоновна. Разумеется, знаю.

Олинька. Ну, скажите, коли знаете!

Татьяна Никоновна. Экзамент, что ли, ты хочешь мне делать? Сказано, что знаю. Вот ты и мотай себе теперь на ус. Ты думаешь обмануть мать – нет, шалишь: будь ты вдесятеро умней, и то не обманешь.

Олинька. Коли вы чувствуете себя, что вы так дальновидны, пускай это при вас и останется...

Татьяна Никоновна. Потому что все вы баловницы, вот почему; а особенно которые из магазина. Вот ты долго ли в магазине-то пожила, а прыти-то в тебе сколько прибыло!

Олинька. Когда вы так гнушаетесь магазином, отдали бы меня в пансион...

Татьяна Никоновна. Как не верить, когда все говорят?..

Олинька. Нет, позвольте! Коли вы считаете, что я такого неосновательного поведения, зачем же вы живёте со мной вместе?..

Татьяна Никоновна. Ты, видно, не любишь, когда тебе дело-то говорят.

Олинька. Какое дело? Нешто вы сами видели? Когда сами увидите, тогда и говорите; а до тех пор нечего вам толковать да казни разные придумывать...

Татьяна Никоновна. Только всё-таки помни ты, что ежели я замечу...»

В этом отрывке видна искусно сотканная драматургом связь традиционной, книжной основы русского литературного языка с народно-разговорным наслоением в виде отдельных сигналов, что в целом можно обозначить терминами бытовая, поточная, профанная речь, т.е. аффективная, стилистически сниженная. Книжная речь здесь также не едина: это сложное множество, и оно делится на подразделы: нейтрально-книжная лексика, обязательная для всех стилей русского языка, и «квази-книжная» лексика с признаками разговорности по форме и значению: резонтов, обожателей, в магазине-то, экзамент. Если рассматривать её в оппозиции высокое / низкое, то, как кажется, и здесь нужен дифференцированный подход. Для книжной речи – это сни-

женный стиль в результате семантической и нередко формальной трансформации лексики под ближайший контекст. Для народно-разговорной – высокие образцы обыденной речи, своеобразные «культурные» неологизмы.

Бесспорным маркёром, или культуремой (показателем мещанской речевой культуры) в приведённых примерах, как и во всей пьесе, являются условные союзы в речи Олиньки (как и других персонажей). Это устаревшие к настоящему времени союзы коли, когда, ежели, как бы субституты стилистически нейтрального и всегда актуального хронологически, вневременного союза если. Это служебные слова, и их преимущество перед знаменательной лексикой как культурем – в высокой частотности и пространственно-временной устойчивости.

Разговорная знаменательная лексика в диалогах Олиньки и её матери многообразна по составу и выразительно-образительным свойствам. Есть здесь и диалектизмы, наиболее яркие сигналы разговорности, преимущественно севернорусского характера. Это частица «-то», которую часто мы наблюдаем в постпозиции к существительному, реже к глаголу в речи Татьяны Никоновны, и других персонажей (о магазине-то, прыти-то, дело-то, бранит-то) и которую сейчас не встретишь в речи москвичей. Она употребительна и во многих пограничных севернорусских/среднерусских говорах, в том числе Подмосковья, образующих протяжённый ареал говоров центрального типа.

«Нешто вы сами видели?» – говорит Олинька матери. Здесь нешто частица в значении ‘может быть, как будто’, которая по данным академического Словаря русских народных говоров (СРНГ) имеет широкий, севернорусский спектр распространения с пометами: Арх., Сев. Двин., Новг., Волог., Ярослав. [СРНГ 23: 211]. Просторечная форма обожателей, т.е. поклонников, интересна и с лексической точки зрения, но более всего с грамматической – демонстрирует более широкое распространения окончания -ов/-ев в народно-разговорной среде, чем в литературном языке. Речи героев пьесы изобилуют народными поговорками, присловьями, всякого рода устойчивыми предложно-падежными конструкциями, многословными и двусловными, общенародного распространения и индивидуального характера, что неизменно подчёркивает фактор их не книжности. Более всего их в речах матери: не даёшь матери рта разинуть; на каждое слово десять резонтов найдёшь; мотай себе теперь на ус; будь ты вдесятеро умней, и то не обманешь; но и Олинька за словом в карман не лезет. Приведём примеры устойчивых оборотов речи Олиньки из последующих действий пьесы: Олинька (взглянув в окно). Ах, бесстыжие глаза! Да он ещё сюда идёт – хватило у него совести...

Олинька. Нет уж, увольте! Вам нужно, чтобы везде слава пошла... Олинька. Хуже-то мудрено найти. А лучшие хоть сейчас.

Пожалуй, образ купца Вавилы Осипыча Густомесова в пьесе – один из наиболее удачно созданных драматургом социально-бытовых типажей старой Москвы, причём средствами разговорной речи: всегда с кульком вина, любезный, но не приторно угодливый, рассыпающий на каждый случай, и всегда к месту, шутки, поговорки, замечания и пожелания, но преимущественно на одну тему – о винопитии. Его знаменитое пожелание «не задерживайте-с!» – о необходимости быстро выпить очередную рюмку вина, чтобы приступить к следующей – имеет источниковедческий подтекст. Оказывается, по свидетельству А.А. Стаховича, оно принадлежит дяде Прова Садовского Сергею Семёновичу Кошеверову: «Вспомнились мне неистощимые ласкательные и поощрительные поговорки Сергея Семёновича для каждой им предлагаемой рюмки вина или водки и финальная фраза «Не задерживайте-с!», чтобы кончили одну серию выпивки или задушевный тост и переходили бы к следующим» (о чём мы прочитали в комментариях Е.Н. Беляковой [Белякова: 763]).

Познакомимся с афоризмами и народно-разговорными словечками купца Вавилы Осипыча Густомесова непосредственно в тексте пьесы (разговорно-просторечная лексика и синтаксические обороты в примерах передаются курсивом, диалектизмы жирным шрифтом, устойчивые обороты, поговорки, при словья и др. подчёркиваются).

Третий акт, явление пятое. «Проخور Гаврилыч. Прощайте! (К купцу). *А, друг! Что это ты, вина принёс?*

Купец. *Особенного.*

Проخور Гаврилыч. *Ну вот спасибо!* Так попробовать надо. Орест!

Входит Орест.

Откупори да *подай рюмок!*

Орест берёт кулёк.

Купец. Ты двух сортов откупори, А те, что с *долгим* горлышком-то для другого раза оставь. Да стой, я покажу тебе...

Входят купец и Орест с бутылками и рюмками на подносе и ставят его на стол.

Купец (*Оресту*). *А ты, братец, поглядывай! Коли видишь, что которая опросталась, ты и перемени, свеженькую поставь. Не всё же тебя кликать...*

Купец (подавая рюмки). *Пожалуйте-с! Честь имею поздравить! (Пьёт сам)*

Проخور Гаврилыч. С чем?

Купец. Как с чем? Да нынче что?

Проخور Гаврилыч. *А что?*

Купец. Первая пятница на этой неделе. Ну, вот, честь имеем поздравить.

Проخور Гаврилыч. Ах ты, голова! Маменька, каков молодец!

Третий акт. Явление шестое. Купец. *А вот и я здесь!* Хозяюшке наше почтение! Барышня, желаю здравствовать (*Кланяется*).

Проخور Гаврилыч. Что ты замешкался?

Купец. *А я забежал, кулёчек винца захватил. Хозяюшка, нет ли какой посудыны? Коли бокальчиков нет, так из чайной чашки можно, нам случалось не раз, мы народ бывалый...*

Татьяна Никоновна (*приносит стаканы на подносе*). Вот, *батюшка*, стаканчики.

Купец. Стаканчиком-то оно ещё *способнее!* (*Откупоривает, наливает и подносит Татьяне Никоновне*). Честь имеем поздравить! *Пожалуйте, хозяйюшка!*

Татьяна Никоновна. Ох, *много!*

Купец. *Пожалуйте, без церемонии-с!*

Татьяна Никоновна (*берёт стакан*). Ну, дай вам бог всякой радости (*Целуется с Васютиным и дочерью, отпивает немного*).

Купец (*не принимая стакана*). Просим *обо всей-с!*

Татьяна Никоновна. Тяжело, *батюшка!*

Купец. *Ничего-с. Не хмельное, пройдёт.*

Татьяна Никоновна допивает и отдаёт стакан.

Он наливает и подносит Олиньке.

Олинька. Я не пью.

Купец. *Нельзя-с!*

Олинька. Право, не могу.

Купец. *Никак невозможно-с.*

Татьяна Никоновна. Выпей немножко.

Олинька целуется с Васютиным

и отпивает немножко.

Купец. *Этого нельзя-с. Зла не оставляйте-с.*

Олинька. Я вас уверяю, что не могу.

Купец. Пожалуйте! Не задерживайте-с!

Проخور Гаврилыч. Выпей, *поневолясь!*

Олинька допивает.

Купец (*подливает и подносит Васютину*). *Пожалуйте-с.*

Проخور Гаврилыч. Маменька, за ваше здоровье!

Олинька, за твоё здоровье! (*Целуется и пьёт*).

Купец (*наливает*). Вот теперь и сам выпью-с! Честь имеем, на многие лета! Чтобы вам богатеть, а нам на вас радоваться, да завсегда компанию водить! (*Пьёт и чокается*). *Очень приятно-с! Уж мы теперь, хозяйюшка, к вам каждый вечер.*

Татьяна Никоновна. Милости просим, *батюшка!*

Проخور Гаврилыч. Мы, маменька, теперь уж ваши гости.

Купец. Мы здесь знёздышко совьём! Только вы, *хозяйюшка, насчёт провианту* не беспокойтесь на будущее время, – это уж моя забота. Я к вам *завтрашнего числа* зараз побольше привезу, чтоб надолго хватило (*Откупоривает ещё бутылку и наливает*).

Прохор Гаврилыч. Опять тем же порядком!

Купец. Как водится. Сначала дамам.

Татьяна Никоновна. *Батюшка*, увольте!

Купец. Уж это, Прохор Гаврилыч, *так чином по порядку у нас линия и пойдёт* (*Подносит Татьяне Никоновне*).

Татьяна Никоновна. Да ты дай хоть *вздохнуть-то* немножко!

Купец. *Не задерживайте!*».

Не очень принято сейчас отмечать диалектизмы в драматургическом творчестве А.Н. Островского, в лучшем случае скопом выявляют аффективную лексику, стилистически сниженную или архаизированную, и именуют её просторечием. Возможно, функционально, если рассчитывать на неподготовленную публику, это и так. Но при более пристальном рассмотрении, при обращении к этническим, национальным корням русского языка, выясняется её пространственные координаты, которые неизбежно оказываются масштабными, территориально широкими, характерными и для севера и для юга России, поэтому до сих пор понятными русской публике. Узкотерриториальные диалектизмы разного рода А.Н. Островский, будучи человеком любопытным и имея врождённое чутьё языка, также любил, знал и собирал, но их он помещал в свои словари (которые при его жизни не были напечатаны). В связи с этим хочется сейчас ещё раз вспомнить слова С.К. Шамбинаго, сказанные им в год столетнего юбилея драматурга о том, что современная публика до конца понимает каждое слово драматурга [Шамбинаго]. То же самое происходит, конечно, и сейчас, но при условии, что она эти его слова хорошо и в полном объёме слышит.

Дадим краткий комментарий к некоторым образцам локально окрашенной лексики (диалектизм) в вышеприведённых диалогах купца Густомесова с другими персонажами пьесы. Заметим, что драматург здесь, как и в других пьесах, неизменно даёт отчество мужчинам в народно-разговорной форме: Прохор Гаврилыч, Ваила Ёсипыч.

Кóли видишь, что котóрая опростáлась... Кóли – стилистически сниженный народно-разговорный условный союз. *Которая* – неопределённое местоимение ‘какой-нибудь’, характерное для широкой сферы диалектов и просторечия. *Опростáться* – сделаться пустым, в СРНГ в 1-м значении «становиться незанятым, свободным для пользования» с широкой географией от севера до юга русских говоров [СРНГ 23: 292].

Голова́ – в значении ‘умный, сообразительный’, чаще как член словосочетания *большая голова*, широко известно во многих русских говорах [СРНГ 6: 298].

Поневóлится. В СРНГ «*Поневóлится, сов.* Принудить, заставить себя сделать что-л.». Тут

указано и более узкое значение слова ‘Поесть, попить (употребляется при вежливом приглашении угощаться чем-л.’ [СРНГ 29: 255].

Бáтюшка – народно-разговорная форма обращения, широко употребительная в говорах [СРНГ 2: 149–150] и просторечии.

Зара́з – нареч. ‘тогчас, сейчас, немедленно’ [СРНГ 10: 376–377].

Как кажется, таким образом на примере анализа ряда диалогов из одной из оригинальных, но полузабытых пьес А.Н. Островского мы сделали попытку восстановить некоторые черты старомосковской мещанской речи девятнадцатого столетия, устойчивые провинциализмы, которые, полагаем, были типичны и для других городов центра России и её периферии, окающих и акающих, и тем самым показать особенности художественного почерка нашего великого русского драматурга, прекрасного бытописателя и знатока народной речи.

Примечания

¹ В 2023 г., на 200-летний, юбилейный год со дня рождения А.Н. Островского, эту пьесу поставил Костромской государственный драматический театр имени А.Н. Островского, режиссёрская трактовка и исполнение артистами вызвали некоторое недоумение, что отчасти и послужило поводом, чтобы рассмотреть эту пьесу драматурга. Если оставить в стороне историко-литературные и чисто театральные проблемы сценографии, подбора актёрского состава, качество исполнения ролей в аспекте понимания актёрами замысла автора и др., то прежде всего поражает невнимательное отношение театрального коллектива к слову великого драматурга, утонувшего в крике персонажей и усиленной жестикуляции.

² Подобные тенденции в развитии родного языка, заключающиеся во внимании к разнообразным формам народной речи в период становления нового литературного языка были характерны и для других славянских языков, у нас, начиная с творчества А.С. Пушкина, в Польше же, с творчества А. Мицкевича, что убедительно изложено на примере языка писателей в «Истории польского языка» Зенона Клемсевича [Klemensiewicz: 89].

³ Сведения о частотности условных союзов в языке драматурга можно получить в Частотном словаре языка А.Н. Островского (ЧСЯО), где указано также, что союзы *если* и *коли* принадлежат к тысяче самых частотных слов языка А.Н. Островского (Частотный словарь языка А.Н. Островского / под ред. Н.С. Ганцовской // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 530–658).

Список литературы

Источники

Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского. Москва: Редакционно-издат. фирма «Веста», 1993. 264 с.

СРНГ 2 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Т. 2. Ленинград: Наука, 1966.

СРНГ 6 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Т. 6. Ленинград: Наука, 1970.

СРНГ 10 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Т. 10. Ленинград: Наука, 1974.

СРНГ 21 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Т. 21. Ленинград: Наука, 1986.

СРНГ 23 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Т. 22. Ленинград: Наука, 1986.

СРНГ 29 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 29. Санкт-Петербург: Наука, 1995.

Исследования

Белякова Е.Н. Комментарий. Старый друг лучше новых двух // Островский, Александр Николаевич. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. Т. 2: Сочинения, 1855–1863 / редкол.: И.А. Овчинина (гл. ред.) [и др.]. Кострома: Костромаиздат, 2020. С. 738–766.

Белякова Е.Н. “Что за люди, что за язык!..” Русская критика второй половины XIX в. о границах «этического» и «приличного» в текстах А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. Спец. вып. С. 97–108.

Высоцкая Ю.В. Старый друг лучше новых двух // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГ БОУ ВПО «ШПГУ», 2012. С. 221–222.

Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в пьесах А.Н. Островского (к вопросу о взаимоотношениях разговорной и книжной речи // Язык и слог Островского-драматурга. К 150-летию со дня рождения (1823–1973): сб. науч. трудов. Вып. № 126. Ярославль: ЯрГПИ им. К.Д. Ушинского, 1974. С. 80–93.

Кайдаш-Лакишина С.Н. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. Статьи. Москва: Лазурь, 2013. 240 с.

Киселёва Н.П. Стилистическая характеристика присоединительных конструкций (на материале пьес А.Н. Островского) // Язык и слог Островского-драматурга. К 150-летию со дня рождения (1823–1973). Сб. науч. трудов. Вып. № 126. Ярославль: ЯрГПИ им. К.Д. Ушинского, 1974. С. 100–107.

Левин В.Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной художественной литературы. Москва: Наука, 1972. С. 9–97.

Шамбинаго С.К. Из наблюдений над творчеством Островского // Творчество А.Н. Островского. Юбил. сб. / под ред. С.К. Шамбинаго. Москва; Петроград, 1923. 365 с.

Klemensiewicz Zenon. Historia języka polskiego. Część III. Doba nowopolska. Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1972. S. 312.

References

Beljakova E.N. *Kommentarii. Staryj drug luchshe novyh dvuh* [Comments: An old friend is better than two new ones]. *Ostrovskij, Aleksandr Nikolaevich. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 18 t. T. 2: Sochinenija, 1855–1863*. [Ostrovsky, Alexander Nikolaevich. Complete Works and Letters: in 18 vol. Vol. 2: Works, 1855–1863]. Editorial board: I.A. Ovchinina (Editor-in-Chief) [et al.]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2020, pp. 738–766. (In Russ.)

Beljakova E.N. “*Chto za ljudi, chto za jazyk!..*” *Russkaja kritika vtoroj poloviny XIX v. o granicah “jeticheskogo” i “prilichnogo” v tekstah A.N. Ostrovskogo* [“What kind of people, what kind of language!..” Russian criticism of the second half of the 19th century on the boundaries of the “ethical” and “decent” in the texts of A.N. Ostrovsky”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma state university], 2023, vol. 29, special edition, pp. 97–108. (In Russ.)

Vysockaja Ju.V. *Staryj drug luchshe novyh dvuh* [An old friend is better than two new ones]. *A.N. Ostrovskij. Jenciklopedija* [A.N. Ostrovsky. Encyclopedia]. Editor-in-Chief I.A. Ovchinina. Kostroma, Kostromaizdat Publ.; Shuja, Izd-vo FG BOU VPO «ShPGU» Publ., 2012, pp. 221–222. (In Russ.)

Gancovskaja N.S. *Mnogokomponentnye slozhnopodchinjonnye predlozhenija v p'esah A.N. Ostrovskogo (k voprosu o vzaimootnoshenijah razgovornoj i knizhnoj rechi)* [Multicomponent complex sentences in the plays of A.N. Ostrovsky (on the issue of the relationship between colloquial and literary speech)]. *Jazyk i slog Ostrovskogo-dramaturga. K 150-letiju so dnja rozhdenija (1823–1973)*. [Language and style of Ostrovsky the playwright. On the 150th anniversary of his birth (1823–1973)], collection of science works, iss. 126. Jaroslavl, K.D. Ushinsky Jaroslavl State Pedagogical University Publ., 1974, pp. 80–93. (In Russ.)

Kajdash-Lakshina S.N. *Letopis' zhizni i tvorchestva A.N. Ostrovskogo. Stat'i*. [Chronicle of the life and work of A.N. Ostrovsky. Articles]. Moscow, Lazur Publ., 2013, 240 p. (In Russ.)

Kiseljova N.P. *Stilisticheskaja harakteristika prisoe-dinitel'nyh konstrukcij (na materiale p'es A.N. Ostrovskogo)* [Stylistic characteristics of connecting construc-

tions (based on the plays of A.N. Ostrovsky)]. *Jazyk i slog Ostrovsckogo-dramaturga. K 150-letiju so dnja rozhdenija (1823–1973)* [Language and style of Ostrovsky the playwright. On the 150th anniversary of his birth (1823–1973)], collection of science works, iss. 126. Jaroslavl, K.D. Ushinsky Jaroslavl State Pedagogical University Publ., 1974, pp. 100-107. (In Russ.)

Levin V.D. *Literaturnyj jazyk i hudozhestvennoe povestvovanie* [Literary language and artistic narrative]. *Voprosy jazyka sovremennoj hudozhestvennoj literatury* [Questions of the language of modern fiction]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 9-97. (In Russ.)

Shambinago S.K. *Iz nabljudenij nad tvorchestvom Ostrovsckogo* [From observations on Ostrovsky's works]. *Tvorcestvo A.N. Ostrovsckogo. Jubil. sb.* [Works of A.N. Ostrovsky. Anniversary collection]. Ed. by S.K. Shambinago. Moscow; Petrograd, 1923. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 22.10.2024; accepted for publication 12.11.2024.